

ВЕРА ПАНОВА

Как тур из неволи бегал

ЛЕМУР И ВОРОБЕЙ

Лучше всех зверей в зоопарке ведет себя лемур. Ни за что не скажешь, что это дикарь, выросший в непроходимых лесах знойного Мадагаскара: такой он опрятный, домовитый и дисциплинированный.

Он невелик: с кошку ростом. У него маленькие нежные ручки и густой мягкий мех. Глаза огромные и круглые, как у совы, а на лбу белое пятно.

Может быть, за это пятно туземцы поклонялись ему, как лесному божеству. Почем знать? Это случается на Мадагаскаре.

Лемур очень зябкий, и для него построили в зоопарке специальный домик, обитый внутри войлоком.

Целый день лемур спит: его совиные глаза не переносят дневного света. Спит он сидя, охватив руками мордочку и обмотав плечи собственным хвостом.

Вечером он просыпается и выходит на площадку перед домиком. Там уже приготовлена для него еда: рисовая каша, муравьиные яйца, сырое мясо, измолотое на машинке. А на сладкое — большой кусок сочной дыни.

Лемур забирает все это и уносит к себе в домик. Но все остатки, все корочки и косточки потом непременно вынесет и сложит у входа: забирайте, мол, я сора не люблю.

Ночи на севере холодные, не то что на Мадагаскаре. По ночам лемур особенно дрогнет. В темноте ему только бы и погулять, и попрыгать по веткам, да холод не позволяет.

Заткнет лемур вход в домик войлочной пробкой и сидит в домике — шуршит там чем-то потихоньку...

А днем выйдут люди, вынут пробку — он уже снова спит. Чистенький, пушистый, смирный полуобезьяныш с непонятной жизнью.

Тут его можно на руки взять, отнести в лабораторию, взвесить на весах — лемур не шелохнется.

Прибегут ребята, сядут на корточки перед домиком, смотрят на лемура и шепчутся.

— Бедненький. Вздрагивает.

— Зябко ему.

— Привык, чтоб жарко и мокро, как в бане.

— Ничего, привыкнет и тут. Он потолстел.

— А если я его за ухом почешу — проснется?

— Я тебе почешу! Он может испугаться...

И вдруг в веселый теплый полдень в домик к лемуру влетел воробей. Это был простецкий северный воробей, который никогда не видел лемуров и вообще из всех зверей боялся только кошек да мальчишек с рогатками.

Он нахально вертел хвостом, чирикал во всю глотку и прыгал, как целлулоидный мячик.

Чирикал он так, словно хотел сказать:

— Смотрите, тут, оказывается, отличное помещение, а я и не знал! Не поселиться ли мне здесь со всем моим семейством?

И он склюнул с пола несколько зерен риса.

Тут лемур вдруг проснулся.

Сперва навострились его ушки.

Потом он тихонько снял руки с мордочки.

Потом медленно открыл незрячие на солнце глаза.

Дрожь волной прошла по его спине.

Лемур почуял дичь.

Он был сыт: он уже ел сегодня и мясо, и рис, и виноград.

Он забыл свои ночные охоты на Мадагаскаре.

Но, должно быть, он вспомнил их снова.

Вспомнил, как неслышно перебирался он с ветки на ветку — только глаза его светились во мраке, как огненные кольца. Как все ближе и ближе придвигался он к спящей птице, которую наметил еще издалека.

Как плавно подносил он свою цепкую ручку — и схватывал птицу за горло прежде, чем она успевала проснуться.

И как сладка была свежая добыча, и как вкусны были яйца в птичьем гнезде.

Лемур бесшумно встал.

Воробей беззаботно вертел хвостом у входа, подбирая рис.

Детишки на площадке затаили дыхание.

Лемур вытянул маленькую ручку...

Раз — и воробей у него в руке! Только кости воробьиные хрустнули.

Лемур съел воробья, собрал перышки и сложил их у входа.

Забирайте, мол, этого мне не надо.

Умыл мордочку, сел в уголку и заснул опять.

А ребята все стояли и смотрели на него — совсем другими глазами:

— Вот тебе и маленький. Вот тебе и соня. Вот тебе и тихоня. Хищник, настоящий хищник.

Может, лемур и скучает в зоопарке, да виду не показывает: спокойно держится, не буянит.

А вот туру в неволе скучно, скучно.

Сами посудите: привык тур в горах жить, взбегать на высокие скалы, прыгать с крутых обрывов.

Узкие тропинки над пропастями турам не страшны. Маленький туренок может человеку на голову вскочить и на всех четырех ногах там удержаться. А тропинка для туров — то же, что для нас широкий тротуар.

А знаете, как тур сверху прыгает? На собственные рога. Они у него толстые, крутые, твердые, как камень. Упадет тур на рога, сейчас же вскочит и бежит дальше. Открыты ему все высоты и ущелья, нет для него в горах непроходимых мест.

В зоопарке ему тесно. Площадка небольшая. С боков, сверху сетка — кругом сетка. Разбежаться негде. Прыгнуть неоткуда. А прыгать хочется. И прыгает тур в высоту. Без разбега, прямо с места.

С каждым днем все выше и выше.

И вот раз допрыгнул тур до самой сетки. А она на высоте в три метра была натянута.

Разорвал тур сетку рогами, прыгнул еще разок и перемахнул на аллею парка.

— Ай, держи его!

Попробуй, удержи. Тур к забору — и нет его.

На улицах люди шарахаются, милиционеры свистят, ребята в восторге мчатся вслед за туром. А туру от шу-

ма страшно. Как загудел ему навстречу большой грузовик — совсем оробел тур, вскочил в какой-то двор.

Там был навес устроен, а над навесом карниз, а над карнизом окно, а за окном помещалась канцелярия ЖАКТа. Тур — на навес, пробежал по карнизу и прыг в открытое окно!

В канцелярии люди сидели, работали как ни в чем не бывало: писали повестки, щелкали на счетах. И вдруг вскакивает на подоконник — коза не коза, антилопа не антилопа: рога огромные, ноздри раздуваются.

Секретарь ЖАКТа — очень толстый человек — плюхнулся на стул и подняться не может. Другие служащие — врассыпную. Только одна девушка, совсем молоденькая, не испугалась. Всмотрелась, всплеснула руками и говорит:

— Да ведь это тур! Честное слово, в выходной в зоопарке видела.

И протянула руку, и гладит тура между рогами...

— Туринька! Ты как же сюда попал?

Туры любят, когда их между рогами чешут. Опустил тур голову, зажмурился, присмирел.

А потом девушка говорит:

— Ничего, гражданин, не поделаешь, придется вам, возвращаться домой, у нас лишней жилплощади для вас нету.

И позвонила по телефону в милицию. Пришел милиционер, надел туру веревку на рога и повел его обратно в зоопарк.

Все же не зря бегал тур. Вошли люди в его положение — расширили ему площадку, чтобы порезвиться мог. Только сетчатый потолок натянули повыше, да сетку поставили попрочней, чтобы не разорвал ее своими каменными рогами.

ПУШОК И ПУШКА

Лисят принесли в зоопарк, когда они были совсем маленькие.

Их было двое: брат и сестра.

Им дали отдельную клетку, чтобы взрослые лисы не обидели их.

Лисята спали рядышком в углу просторной клетки — два маленьких рыжих пушка.

Так их и прозвали: Пушок и Пушка.

Пушка просыпалась первая. Она садилась, потягивалась и зевала. При этом она показывала узкий розовый язык и новенькие, острые зубы. Жмурясь, она рассмат-

ривала мир по ту сторону решетки: солнечные пятна на дорожке, высокие деревья и разноцветных людей. Люди были нестрашные: они приносили еду — вкусные сырые потроха! Пушка быстро привыкла к людям, и они мало занимали ее. Гораздо интереснее было то, что творилось за деревьями.

Там светлелся пруд, а вокруг пруда жили водяные птицы: дикие утки, лебеди, цапли.

Утки крякали.

Утята пищали.

Лебеди били по воде сильными крыльями и с шумом бросались на корм, распугивая утят.

Пушка слушала, и глаза у нее сдвигались к переносью, а ноздри сжимались, словно она чуяла запах теплой птичьей крови.

Она еще ни разу не нюхивала этого запаха.

Но ведь она была лисенком, диким лисенком! Ее мать и бабка, и прабабка питались зайчатиной и птицей и прятали своих детенышей в дремучих лесных логовищах.

От шума на пруду Пушка начинала нервно вздрагивать.

Пушок был смирнее. Наевшись и поиграв со своим хвостом, он заваливался спать.

Пушка будила его, толкнув носом в бок, и заставляла смотреть и слушать.

Так они сидели — два лисенка — и думали о воле, о сладкой добыче. А люди говорили:

— Смотрите, как чинно сидят!

Однажды утром пришел сторож к пруду и видит: валяются на берегу утиные перья и косточки.

„Что такое?“ — думает сторож.

На другой день — то же самое. И перья раскиданы по всему бережку: словно хищник, задавив утку, еще играл с нею — забавлялся.

Пошел старик к заведующему. Обошли они весь парк, не сбежал ли кто из зверей.

Нет, все на местах.

И лисята спят в своей клетке — два пушистых рыжих комочка.

Только Пушка приоткрыла один глаз и следит за людьми исподтишка.

А ночью, когда черным-черно было небо над зоопарком и в пруду дрожали звезды и квакали лягушки, Пушка разбудила брата.

Через лазейку они выбрались из клетки и очутились на свободе.

Хорошо: земля влажная, мягкая и деревья, как в родном лесу.

К пруду! И залегли в кустах...

Вот стали пропадать звезды.

Порозовел пруд: занимается утро.

Сонно покрякивая, разминая ноги, идут утки к воде.

А лисята тут как тут! Цап за горло острыми зубами.

С криком уплывает подальше от берега утиная стая.

Да ни лисята уже они — выросли, стали лисами.

Молоденькие хитрющие хищные лисы.

Конечно, Пушка первая стала рыть лазейку.

Пушок до этого сам вряд ли додумался бы.

Облазала Пушка весь зоопарк. Познакомилась со всеми зверями. За Пушкой покорно трусил Пушок.

... Ранним утром в парке тихо, росисто, пусто — бегай от клетки к клетке, никто не увидит.

Разве что медведь рявкнет для острастки на шустрых рыжих зверьков, или попугаи спросонок поднимут гам на своем дереве.

Одного крокодила Пушка испугалась.

Лежит на песке у бассейна грязно-зеленая громада — сопит. Открыла мутный черный глаз, шлепнула по воде зубчатым хвостом — полетели брызги, полетели куда-то сердчишки у лисят...

Очень страшный зверь крокодил!

А слон — ни капельки.

У слона целый дом, и кругом огорожен дворик.

Слон ночует в доме, а утром выходит во двор.

Он набирает хоботом воду из корыта и поливает себе голову.

Сторожихины куры пасутся у него во дворе.

Маленькие белые куры с малиновыми гребешками, должно быть, очень вкусные.

У Пушки слюнки потекли при виде их.

Набравшись храбрости, она совсем было решилась пролезть сквозь жерди изгороди и сцапать курочку, но тут слон вдруг начал танцевать.

Он делал маленькие прыжки направо и налево и размахивал хоботом с очень довольным видом.

Должно быть, это была его утренняя гимнастика.

От этой гимнастики затряссся слоновый дом, и проснулись все звери в зоопарке.

Канарейки засвистели, обезьяны принялись кувыркаться на трапециях.

Из каменного дома с большим замком на двери раздалось львиное рыканье.

Шакалы начали свой беспокойный неугомонный бег в клетке.

Солидно проблеяла мериносовая овца.

Послышались шаги человека.

Пушок и Пушка посмотрели друг на друга — и стороной, кустиками побежали к своей клетке.

Вот и осень пришла.

Слон, обезьяны, попугаи и крокодил перешли в каменный дом на зимние квартиры. Белый медведь рад прохладе: все смотрит на север — ждет не дождется зимы.

И Пушке с Пушком заморозки не страшны: у них шубы теплые.

СМЕРТЬ ЛИСОВИНА

Был день большой охоты, день большой беды для зверей.

Гончие собаки носились по лесу.

Трещали сучья: шла облава.

Лисы и волки метались, сталкивались и разбегались, не обращая внимания друг на друга.

Следы многих лап перепутались на снегу.

Две собаки помчались по следу лисовина.

(А ты заметь: лисий след совсем особенный, он не похож ни на волчий, ни на собачий. Лапа собаки ставит отчетливую печать: собака ходит босиком. А лиса словно обута в валенки. У нее на подошве — длинные густые волосы. И след ее пушист и расплывчат, и ей не стра-

шен снежный наст, который проваливается под лапой и режет будто стекло).

Наст был твердый, и собаки изрезали себе ноги до крови.

Лисовин путал их по лесу больше часу. Собаки не отставали.

Лисовин мелькал между деревьями, как длинный желтый огонь.

У него были сильные ноги, и он знал в лесу много убежищ. Но от страха он забыл все убежища.

Он мчался, не видя дороги. Он поворачивал направо и налево. Беда гналась за ним.

Он потерял нюх.

И вот он выскочил на опушку, где стоял охотник.

Охотник стоял и увидел: из леса выскочил красивый рыжий зверь с зелеными глазами.

Охотник выстрелил.

Лисовин упал.

Собаки подбежали и, увидев, что дело сделано, завиляли хвостами. Они дышали тяжело и часто.

И охотник погладил их, потому что это были умные и работящие собаки.

Подошли товарищи охотника и стали хвалить лисовина.

— У твоей дочки будет славный воротник! — сказали они охотнику.

Тот ответил:

— Да, если только я не испортил его картечью.

И они подняли лисовина, понесли и удивлялись, что на снегу нет крови.

А когда они сняли с лисовина шкурку, то не могли найти раны и не могли найти картечи: тушка была целехонька. И все еще больше удивились.

Среди охотников был доктор. Он вскрыл тушку и сказал:

— Лисовин умер от паралича сердца. Сердце перестало работать от страха.

Заряд из ружья охотника не попал в лисовина.

Охотник пришел домой и сказал своей дочке, голубоглазой девочке с красненькой косынкой на шее:

— Я не подарю тебе эту шкурку, дочка. Этот зверь погиб потому, что он был трусом.

13

Цена 22 коп.

Художник
Н. А. ДРАГУНОВ

Вера Федоровна ПАНОВА

КАК ТУР ИЗ НЕВОЛИ БЕГАЛ

Редактор **Л. Ф. Рычаловская**
Художественный редактор **З. А. Лазаревич**
Технический редактор **Л. М. Криволапова**
Корректоры **Е. Г. Харченко, Т. В. Лысенко**

Изд. № 28/12269. Сдано в набор 22/III 1973 г.
Подписано к печати 28/XI 1973 г. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная. Объем 2,5 физ. п. л.,
3,05 уч.-изд. л. Тираж 150 000 (1-й завод—50 000).
Ростовское книжное издательство,
г. Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23.
Фабрика цветной печати им. Ильича Управления
издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 18. Заказ 1420.